

Список использованной литературы

- ~~1. Альбедиль М. Ф. В магическом круге мифов. Миф. История. Жизнь / М. Ф. Альбедиль. – СПб.: Паритет, 2002. – 336 с.~~
- ~~2. Виноградов В. В. Романтический натурализм: (Жюль Жанен и Гоголь) / В. В. Виноградов // Виноградов В. В. Поэтика русской литературы: Избранные труды. – М.: Наука, 1976. – С.76 – 100.~~
- ~~3. Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 8 т. / Н. В. Гоголь. – М.: Правда, 1984. – Т. 2. – 320 с.; Т. 3. – 336 с.~~
- ~~4. Денисов В. Первые петербургские повести Н. В. Гоголя: типология героев и методология автора / Владимир Денисов // Гоголезнавчі студії: Вип. 2 (19). – Ніжин: НДУ імені Миколи Гоголя, 2012. – С. 95 – 108.~~
- ~~5. Ланьлань Я. Термины изобразительного искусства в художественном тексте (повесть Н.В. Гоголя «Портрет») / Янь Ланьлань // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. – 2013. – № 3. – С. 179 – 184.~~
- ~~6. Мусий В.Б. Миф в художественном освоении мировосприятия человека литературой эпохи предромантизма и романтизма: монография / В.Б. Мусий. – Одесса: Астропринт, 2006. – 432 с.~~
- ~~7. Слюсарь А.А. О психологизме в «Петербургских повестях» Н.В. Гоголя / А.А. Слюсарь // Проблеми сучасного літературознавства: зб. науков. праць. – Одеса: Маяк, 1999. – Вип. 5. – С.76 – 95.~~

Акиз Каган

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОСНОВА БАЛЛАДЫ А. К. ТОЛСТОГО «ВАСИЛИЙ ШИБАНОВ»

А. К. Толстой оставил заметный след в истории русской культуры (литературы, театра, науки и публицистики). В то же время нельзя сказать, что его творчество нашло всестороннее освещение в литературоведении. Единичными являются работы, в которых идет речь о закономерностях развития творчества этого автора, характере его литературно-эстетических взглядов на искусство, его концепции человека, истории.

Одна из первых попыток целостного анализа литературной деятельности А. К. Толстого была предпринята И. Г. Ямпольским. Это автор статьи «А. К. Толстой», опубликованной в восьмом томе «Истории русской литературы», подготовленной Институтом русской литературы. Отметив, что баллады Толстого являются «значительным фактом в истории русской поэзии», И. Г. Ямпольский останавливается на причинах интереса художника к истории и считает, что он был вызван «желанием найти в прошлом подтверждение и обоснование своим идейным устремлениям». Далее он сравнивает жанровые особенности баллад и былин А. К. Толстого, обращает внимание на их близость и непосредственную связь с современностью [7, 331]. Внимание исследователя было также направлено на идеал «полноценной человеческой личности», из которого Толстой исходил в оценке своих героев. Поэтика произведений А. К. Толстого в этой статье не рассматривалась. Другой литературовед, Г. Н. Пospelов, объясняет интерес А. К. Толстого к балладам свойственной

этому жанру сжатостью характеристик и краткостью повествования о событиях. Исследователь также обратил внимание на особенности авторского оригинального стиля, который был выработан Толстым для его баллад. Основной чертой этого стиля была, по словам Г. Н. Пospelова, «эстетическая красочность и нарядность изображения, соединенная с величавостью и вместе с тем веселым и нередко грубоватым юмором самого тона повествования». «Поэт, - продолжал Г. Н. Пospelов, характеризуя этот стиль, - легко соединяет в речи важность архаизмов с насмешливостью просторечия» [5, 477 - 479]. Непосредственно балладе «Василий Шибанов» посвящена только одна работа – статья Н. А. Лобковой, написанная в 1969 году, в ней идет речь об идейном содержании произведения.

Баллада А. К. Толстого «Василий Шибанов» относится к раннему периоду творчества писателя, 1840-м годам. В это время в стране укрепляется научный и художественный интерес к познанию разных сторон жизни русского общества, в том числе – и с точки зрения его истории. Это и прошлое России, и ее нынешнее настоящее, когда продолжала формироваться ее история. Конечно же, сосредоточение внимания на исторической проблематике – это черта творчества не всех художников того времени. Среди тех, для кого она была основной, – А. К. Толстой. Это объясняется и обстоятельствами его биографии, принадлежностью к двум известным дворянским родам – Толстым и Разумовских, и особенностями склада его личности, уверенностью в том, что все в истории взаимосвязано, а потому человек причастен происходящему, несет ответственность за ход истории. Для Толстого-романтика главной составляющей каждого отрезка истории было сосуществование и противостояние Добра и Зла, Чести и Предательства, Свободы и Деспотии. Отсюда – наличие в его произведениях противоположных в нравственном отношении групп персонажей, своего рода диалогический конфликт двух разных позиций – свободолюбия и тирании. Это повлияло на философию истории этого художника. «В основе этой концепции, - пишет А. В. Федоров, изучая особенности романтического историзма писателя - романтическая антитеза: прошлое-мечта и прошлое-кошмар. Первое – упрек настоящему, второе – угроза настоящему. Идеал и антиидеал писателя закреплены за определенными эпохами русской истории – Киевско-Новгородской Русью и Московским периодом. Субъективно-оценочное отношение к ним бесспорно и очевидно как в художественных текстах, так и в личных признаниях автора» [6, 170]. Отсюда – мысль об опасности беспамятства, отказа от предков, утраты чувства причастности истории, которая ведет и к потере самого себя.

С особым интересом А. К. Толстой относился к эпохе правления Иоанна IV (Грозного). В ней – его «антиидеал», как определил А. В. Федоров. Показательно собственное признание А. К. Толстого. Он писал А. Губернату: «Что касается нравственного направления моих произведений, то могу охарактеризовать его, с одной стороны, как отвращение к произволу, с другой – как ненависть к ложному либерализму, стремящемуся не возвысить то, что низко, но унижить высокое. Впрочем, я полагаю, что оба эти отвращения сводятся к одному: ненависти к деспотизму, в какой бы форме он ни проявлялся» [1, 364]. Этот интерес выразился и в творчестве А.К. Толстого: в его трагедии «Смерть Иоанна Грозного» и в историческом романе «Князь Серебряный». В Предисловии к этому роману А. К. Толстой писал, что при чтении источников, относящихся к эпохе Ивана Грозного, он негодовал «не столько от мысли, что мог существовать Иоанн IV, сколько от той, что могло существовать такое общество, которое смотрело на него без негодования». А. К. Толстой не был единственным художником, проявившим особый интерес к эпохе Иоанна Грозного.

Ученый-историк С. М. Соловьев, автор «Истории России с древнейших времен», видел в Иване Грозном борца против самовластья бояр, то есть, человека, который преследовал интересы целостности Руси, порядка в ней. Противоположную точку зрения на эпоху Грозного высказывали М. П. Погодин, К. С. Аксаков, Н. И. Костомаров. Так, к примеру, Костомаров считал Грозного неуравновешенным, холодным, не способным ни к искренним чувствам, ни к искреннему раскаянию человеком. Главная проблема, решение которой было непосредственно связано с попыткой понять итоги и характер правления Иоанна IV, - может ли правитель-преступник стать спасителем Отечества? Могут ли быть связаны деспотизм и общественный прогресс?

К решению этой очень важной проблемы обратились и художники, литераторы. Остановимся на картине В.Г. Шварца «Посол князя Курбского Василий Шибанов перед Иваном Грозным» (1862). Эта картина непосредственно тематически связана с балладой А. К. Толстого, о которой идет речь в нашей статье. Картина представляет кульминационный момент – чтение послания Курбского Грозному при истекающем кровью посланце Курбского Шибанове.

В. Г. Шварц больше всех живописцев был занят личностью Ивана Грозного. Ему принадлежат рисунки: «Иван Грозный и Василий Шибанов на Красном крыльце» (1861), картон «Иван Грозный у тела убитого им сына в Александровой слободе». Во всех этих работах Иван Грозный – коронованный злодей. В 1862 – 1864 годах Шварц создавал иллюстрации к «Песне о купце Калашникове», а с 1863 по 1865 год – к «Князю Серебряному» Толстого. Почти в каждой из иллюстраций – образ Ивана Грозного, жестокого правителя. Такой выбор героя для исторического полотна был настоящей революцией в искусстве. Ведь, согласно требованиям классицизма, в исторической картине нужно изображать человека «прославленного историей, веками, поэзией и народами, то есть человека высшего, выходящего из людей обыкновенных» [3, 85]. А картины Шварца и других живописцев представили в качестве героя тирана и были направлены на его разоблачение, обличение. «Ныне, - пишет в связи с этим А. Г. Верещагина, - главный персонаж перестал не только быть Героем, но появились работы, где он являлся ему противоположностью – антигероем» [3, 89 - 90]. Так и в этой картине В. Г. Шварца, «Посол князя Курбского Василий Шибанов перед Иваном Грозным», Василий Шибанов стоит в окружении бояр – свиты Грозного. На переднем плане, кроме дьяка, который зачитывает послание царю князя Курбского, сам Василий Шибанов и царь Иван Грозный. В лице Грозного – лишь злоба и мстительность. Голова Шибанова кротко опущена. Он покорно будущей судьбе выслушивает слова послания своего господина. Ярким пятном выделяется кровь, струящаяся из его ноги, пронзенной посохом Грозного. Царь внимательно вглядывается в лицо Шибанова – он ждет судорог от боли, признаков страдания. Но мученически-спокойно лицо посланника, принесшего письмо, которое не могло не разгневать царя. Тяжелые стены на картине художника усиливают ощущение силы, которая давит на героя со всех сторон, подчеркивают мотив безвыходности положения Шибанова, которому уже не суждено спастись.

Для того, чтобы понять происходящее, обратимся к соответствующему фрагменту труда Н. М. Карамзина «История Государства Российского». Во второй главе девятого тома «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин описывает ужас, который наводил Иван Грозный на всех россиян. В их числе – искренне преданные родной земле князья Дмитрий Вишневецкий и Андрей Курбский. Оба были вынуждены бежать за границу. Однако Курбский не мог успокоиться, находясь вдали от родины, и решил объяснить царю Ивану

свой поступок, «открыть душу свою, исполненную горести и негодования». Для этого он написал царю Ивану письмо. В нем он вспоминал многих воинов, которые доблестно служили во славу своей родины. Но царь, «вымышляя клевету», назвал их изменниками и стал их преследовать. Курбский обвинил Ивана Грозного и в том, что тот лишил его родной земли. «Кровь моя, за тебя изливаемая, вопиет к Богу», - писал Курбский. Вспоминая, как он участвовал в сражениях, как «водил полки» русских воинов, он пишет, что никогда не проявлял трусости (не поворачивался к врагам спиной, собираясь убежать от них). Не год, не два, а много лет он служил царю. Теперь ему приходится надеяться только на Бога. Курбский писал, что не собирается возвращаться на родину. Но Грозного, по его убеждению, ждет возмездие. Слезы «невинных жертв готовят казнь мучителю. Бойся и мертвых, - восклицает Курбский в своем послании к царю, - убитые тобою живы для Всевышнего, они у престола его требуют мести!».

Это послание решился взять в Москву верный слуга князя Андрея Курбского Василий Шибанов. Он знал, что, скорее всего, царь казнит его. Но ни минуты не сомневался в своем решении выполнить долг и сдержал свое слово. Он, пишет Н. М. Карамзин, «подал запечатанную бумагу самому государю, в Москве, на Красном крыльце, сказав: «От господина моего, твоего изгнанника, князя Андрея Михайловича». Гневный царь ударил его в ногу острым жезлом своим: кровь лилася из язвы; слуга, стоя неподвижно, безмолвствовал. Иоанн оперся на жезл и велел читать вслух письмо Курбского...» [4, 265]. Именно этот момент и запечатлел художник В. Г. Шварц в своей картине.

Он является центральным и в балладе А. К. Толстого. После Василия Шибанова долго пытали, в надежде узнать обстоятельства побега Курбского, имена людей, помогавших ему. Но верный своему господину слуга молчал. Он умер под пытками.

Баллада А. К. Толстого начинается сообщением о побеге князя Курбского «от царского гнева». Во второй строке появляется и герой баллады, названный «Васька Шибанов». Так создается контраст между господином и его слугой. Нельзя исключить, что подобное пренебрежительное отношение к стремянному (то есть, конюху, слуге, который находился безотлучно при своем господине во время охоты, во всех поездках для того, чтобы ухаживать за его верховой лошадей) было свойственно самому князю Курбскому. Далее следует характеристика господина: он дороден, поэтому конь, на котором он сидел, «измученный пал» под его тяжестью. О Шибанове сообщается, что он хранил «рабскую верность», заботился о господине и отдал ему своего коня. Сам же отправился пешим ходом. Во второй строфе Курбский назван «опальным воеводой», который неожиданно для недавних врагов литовцев «сделался другом». Его сердце пылает жаждой мести («исполнен он желчи и злобы»), и он решает написать Годунову послание. Правда, возникает некоторое несоответствие: Курбский решает «сказать напрямик» царю о своих обидах. Но он все же не говорит, а пишет, и не собирается сам везти слова обиды в Москву, а ищет человека, который не побоится царского гнева:

Но кто ж дерзновенные князя слова
Отвезть Иоанну возьмется?
Кому не любя на плечах голова,
Чье сердце в груди не сожмется? [2, 345].

Таким образом, свою храбрость князь проявил лишь по отношению к бумаге, на которой он «злыми словами» язвил царя Ивана, составляя «послание, полное яду». По-настоящему храбрым и верным своему долгу оказался Василий Шибанов. «В поту и в пыли» он дошел до того места, где остановился его господин, приехавший на коне стремянного. И

не отдыхая, он готов продолжать служить князю. А тот радуется удаче («И в радости князь посылает раба, / Торопит его в нетерпенье...»). Думается, сообщение о том, что Курбский протягивает Шибанову «рубли в награждение», еще больше снижает характеристику князя Курбского. Он посылает своего слугу на смерть, и ясно, что рубли тому не пригодятся. Поэтому мы не можем абсолютно принять точку зрения, высказанную Г.Н. Поспеловым. Ученый писал: «...поэт противопоставляет Грозному людей, которые лишь потому стали жертвами его тиранства, что сохранили человеческое достоинство, нравственную независимость и чувство гражданского долга. Таких людей Толстой ищет прежде всего в среде старой, феодальной аристократии, которая, в его глазах, издавна активно служила национальным интересам, а также и в народной среде, разделяющей подобные стремления. В первой из названных баллад – это князь Курбский, ненавидящий опричнину и в порыве возмущения изменивший родине, это его стрелянный Шибанов...» [5, 463]. На наш взгляд, настоящим высоким героем в балладе А.К. Толстого может быть назван только Шибанов. Итак, князь предлагает рубли, а Василий Шибанов – свою жизнь, решившись отправиться с посланием назад, в Москву, из которой недавно бежал его господин.

Вторая часть баллады посвящена описанию царя Ивана и его окружения. Передано противоречивое состояние Иоанна Грозного: он и переживает муки совести из-за собственной жестокости, и готов подавить в себе понимание страшных последствий своего произвола («иль совесть навеки хоронит?»). Его окружение и не задумывается о морали. Рядом с царем – «Вяземский лютый», «опрични крошечная тьма» (И Васька Грязной, и Малюта), и любимец Иоаннов «с змеиной душой» - «отверженный богом Басманов». К ним и направляется прибывший в Москву от Курбского гонец. Его волнение передано детально – он обратился к царю, «бледнея», но старается сохранить мужество. Далее следует сцена, представленная в картине В. Г. Шварца:

И очи царя загорелися вдруг:
«Ко мне? От злодея лихого?
Читайте же, дьяки, читайте мне вслух
Посланье от слова до слова!
Подай сюда грамоту, дерзкий гонец!»
И в ногу Шибанова острый конец
Жезла своего он вонзает,
Налег на костыль – и внимает... [2, 346].

Во все продолжение чтения Шибанов терпит муку молча: «Кровь алым струилася током, / И царь на спокойное око слуги / Взирал испытующим оком». Даже такого тирана, как Иван Грозный, поражают мужество и твердость гонца. Он понимает, насколько тот выше в нравственном отношении и своего господина, с легкостью отправившего его на смерть, и самого царя, разрешившего себе жестокость. Скорее всего, Грозный не играет, когда признается, что для него самого «нет ... жизни отрадней», его Бог не простит. Но о Курбском, который выдал Шибанова «за бесценок», он тоже говорит без уважения. И все же отправляет Шибанова на пытки, надеясь узнать «товарищей Курбского». В двух последующих строфах использован такой прием, как эпифора: они заканчиваются словами палачей о Шибанове: «Он славит своего господина!». Так А. К. Толстой подчеркивает, усиливает мотив стойкости героя баллады. Василий Шибанов в балладе ведет себя как настоящий мученик: умирая ни в чем не виновным, он просит Бога простить его господина за то, что тот изменил родной земле. Дважды в его словах повторяется выражение страдания («Язык мой немеет, и взор мой угас») и твердость и верность любви и прощению. Но не

только за Курбского молится Шибанов, но еще и за царя-мучителя. Своими мучениями он как бы искупает преступления обоих. Умирает он со словами благословения родной земли: «За нашу святую, великую Русь».

Выводы. Изучив балладу А.К. Толстого, мы видим, что она построена симметрично. В первой части Василий Шибанов сравнивается со своим господином Курбским, в котором подчеркнуты тяжеловесность, склонность к мести и малодушие. Во второй части – с царем Иваном Грозным, который, хотя и испытывает душевные муки, не может остановиться в своей жестокости и подозрительности. И в каждой из частей Василий Шибанов оказывается выше других персонажей. Интересно, что слова «Шибанов, стремянный» есть и в начале (вторая строка первой строфы) и в конце баллады (последняя строка последней строфы). Так создается кольцо (начало и конец совпадают). Но совпадение не полное. В начале баллады герой увиден глазами Курбского и поэтому пренебрежительно назван «Васька». А в конце выражена только авторская точка зрения. Поэтому о Шибанове сказано, как о настоящем герое. Он и есть тот высокий образ, который находится в центре произведения. Создавая балладу, А. К. Толстой опирался на исторические свидетельства, «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина. Точно так же, как художник В. Г. Шварц. Но, как мы думаем, в балладе А. К. Толстого характер Ивана Грозного сложнее (читатель узнает о муках совести, которые переживает царь, хотя он и не отказывается от тирании). Не однозначен и образ Курбского. Главное же отличие от исторического источника – то, что центральным героем становится стремянный, простой человек, слуга, оказывающийся в нравственном отношении выше князя и царя. Так А. К. Толстой выразил собственное понимание исторических событий эпохи Иоанна Грозного.

Список использованной литературы

1. Толстой А. К. Избранное. Сатирические и юмористические стихотворения. Проза. Письма. Приложения. Воспоминания современников / А. К. Толстой; сост. М. М. Романихиной. – М.: Правда, 1986. – 464 с.
2. Толстой А. К. Князь Серебряный. Стихотворения / А. К. Толстой. – М.: Художественная литература, 1986. – 383 с.
3. Верещагина А. Г. Историческая картина в русском искусстве. Шестидесятые годы XIX века / А. Г. Верещагина. – М.: Искусство, 1990. – 232 с.
4. Карамзин Н. М. История государства Российского / Н. М. Карамзин // Сочинения: В 2 т. – Л.: Художественная литература. – Т. 2. – 456 с.
5. Пospelов Г. Н. Поэзия и драматургия А. К. Толстого / Г. Н. Пospelов // Пospelов Г. Н. История русской литературы XIX века (1840 – 1860-е годы). – М.: Высшая школа, 1981. – С.461 – 479.
6. Федоров А. В. Романтический историзм в творчестве А. К. Толстого / А. В. Федоров // Мир романтизма. Материалы международной научной конференции, посвященной 45-летию научной деятельности профессора И. В. Карташовой. Тверь, 24 – 27 мая 2006. – Тверь: Твер.гос.ун-т, 2007. – С.169 – 174.
7. Ямпольский И. Г. А. К. Толстой / И. Г. Ямпольский // История русской литературы: В 10 т. – М.: Наука, 1941 – 1956. – Т.8: Литература шестидесятых годов. Ч. 2. – 1956. – С. 315 – 348.